

ЧЕСТЬ И ПОЧЕСТИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

Анализируются лингвокультурные аксиологические концепты, проводится сопоставление семантики концептов, получивших объективацию в культурных кодах родственных и смежных локальных традиций, в синхронии и диахронии, что позволяет обнаружить аксиологические установки народной традиции раннего периода и определить векторы их изменения в семантическом пространстве культур позднего формирования.

ценностно-смысловое пространство концепта, локальная традиция, культурные коды, механизмы взаимосвязи языка, культуры и мышления.

В современной лингвистической науке поиск методов лингвокультурологического анализа ведется в русле сопоставлений концептуальных картин мира разных этносов. В качестве основной единицы анализа определен концепт, и соответственно предметом анализа являются языковые способы экспликации концепта в сопоставляемых культурах¹. Термины вербальный, акциональный, символический коды культуры, введенные Н.И. Толстым в рамках этнолингвистики², во многом определили предмет лингвокультурологических наблюдений и одновременно обнаружили необходимость разработки технологий и инструментария, адекватных исследуемому материалу. Как показывает практика анализа, методики, используемые этнолингвистами на материале славянских культур, вполне применимы к локальным культурам, но требуют существенной корректировки. Особенно следует выделить культуры вторичного образования, языковая картина мира которых утрачивает признаки «прозрачности» вербальных и символических интерпретаций в результате утраты мотивационных связей между знаками. При анализе локальных культур вторичного образования возникает необходимость изучения кодов исконных диалектных культур, поиска звеньев утраченных мотивационных связей, их реконструкции.

¹ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 424 с.; Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72; Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности. М., 1996. 170 с.; Попова З.Д., Стернин И.А. К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии // Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово, 2004. Вып. 4. С. 53–54.

² Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 24–26.

Настоящая статья посвящена анализу ценностно-смысловых концептов кубанской лингвокультуры (позднего образования), строящихся по принципу аксиологической модели, организованной противоположными семантически полюсами *честность (целомудрие)/нечестность, честование/бесчестие*. В понимании лингвокультурного концепта мы следуем теории В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина и рассматриваем его как смысловой конструкт, формируемый в процессе общественной когнитивно-коммуникативной деятельности человека, являющийся специфическим отражением действительности в его сознании и определяющий его социально-культурное бытие в настоящем и будущем³. Культурный концепт – всегда общее достояние коллектива, продукт совместного длительного существования на определенной территории в определенных культурно-исторических условиях. Лингвокультурный концепт всегда аксиологичен, в силу чего смысловое его пространство дихотомично, так как содержит две противопоставленные смысловые сферы, включенные в свою очередь в бинарную модель аксиологических макроконцептов *норма – антинорма*.

Существование аксиологического пространства культуры определяет моральные установки и поступки представителей социума, которые обеспечивают целостность коллектива и позволяют ему существовать как единому этнокультурному образованию.

Свадебный обряд – один из уникальных институтов, созданных народной традицией, устанавливающий и актуализирующий целый ряд культурных, высокоценностных норм. Регулярная воспроизводимость обряда, всех его элементов в условиях существования устной культуры нацелена на трансляцию важного культурного текста, погружающего участников обрядовых актов в аксиологическое пространство культуры. Все это порождает консервативность традиционных культур, инстинктивное оберегание собственной культурной модели, из которой проистекает точка зрения на мир каждого ее представителя.

Ядерными аксиологическими и текстообразующими концептами в семантическом пространстве свадебного обряда являются концепты *честность/нечестность и почесть/бесчестие*, irradiрующие семантику этих смысловых сфер на единицы вербального кода, символического и акционального.

Мы основываемся на материале кубанского свадебного обряда, относящегося к поздней традиции, формировавшейся в конце XVIII века казаками-запорожцами, малорусскими и южнорусскими крестьянскими семьями при переселении их на земли Кубани. Кубанская локальная культура является вторичной и характеризуется поликультурной материнской основой. В рамках статьи рассматривается обряд западной части Кубани, по происхождению малорусский, но вобравший и элементы южнорусской и донской традиций в силу влияния исторических и культурных факторов. Анализ данных локальной кубанской традиции, а также некоторых источников, описывающих исконные традиции (украинскую

³ Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики : сб. статей. М. ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. URL : <http://psycholing.narod.ru/monograf/karasik-psy-hrest.htm> (дата обращения: 26.02.2012).

и южнорусскую), послужившие в качестве основания для кубанской, позволяет рассмотреть смысловое пространство концепта в синхронии и диахронии.

Синхронный анализ локальных народных культур на основе их лексикона и диалектного дискурса, представляющего собой тексты-воспоминания носителей культуры преимущественно старшего поколения, обнаруживает очевидный характер трансформации старой ценностной системы. Это проявляется в забвении многих элементов обряда, следствием чего является семантическая демотивация и ремотивация символа и акта, утрата смысловых связей внутри культурного кода, контаминация семантики символов, редукция обрядового сценария⁴. Сопоставительный анализ данных материнских локальных культур с обрядовой картиной поздней лингвокультуры в аспекте концептуального анализа позволяет обнаружить полный культурный текст предшествующей эпохи, обнаружить смысловые связи между разными символами и актами обряда, которые на первый взгляд казались семантически далекими.

Концепт репрезентирован на языке кубанской традиции сочетаниями *невеста хороша, невеста честна – невеста порчена, невеста нечесна* и объективируется в актах свадебного обряда, связанных с честью невесты, ее матери и отца. Семантика ядерной зоны концепта *честная/нечестная невеста* взаимодействует в ценностно-смысловом пространстве обряда с семантикой концепта *читать-почитать* и проецируется на парадигму, актуальную для свадебного обряда, *дочь – родители*, при этом дочь мыслится как *почитающая* родителей, устои родителей, воспитавших ее, давших ей представление *о чести*.

Анализ обрядового дискурса в диахронии обнаруживает высокий аксиологический статус концепта в русской народной традиции, что проявляется в стремлении наделить признаком *честный* всех участников свадьбы, свадебное пиршество и даже само событие: *Честным тирком, да и за свадебку; Честно величать, так на пороге встречать; Честна свадьба гостями, похороны слезми, а пьянство дракой; Здравствуйте князь со княгиней, бояре, сваты, дружки и все честные поезжане!*⁵ Также для русских обрядовых локальных дискурсов характерны и производные от *честный, честной*: *Почетной стол* (сев); *Обед, на другой день свадьбы; Почетные* (сущ. калуж.); *Родители невесты в доме жениха; Почестка* (ж. почестки, мн. почестье, ср. почёсно), *почестное, почетное угощенье, почетный пир* (особ. у тестя после свадьбы); *почестка бывает на другой день свадьбы, у родителей молодой, в почет родни князя, молодого, которую и сажают на почетные места; на третий день свадьбы такая же почестка у молодого, где чествуют родню молодой*⁶. Акты обрядового величания родителей невесты, самой невесты, воздаяния почестей порождают ритуальные термины *почестка, почестье, почесно* и т. д., которые

⁴ Трегубова Е.Н. Обрядовая лексика украиноязычных говоров западной части Кубани в этнолингвистическом аспекте // Філологічні студії : науковий вісник Криворізького державного педагогічного університету. Збірник наукових праць. Кривий Ріг : КДПУ, 2011. Вып. 6. С. 478–484.

⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1981. Т. 4. С. 600.

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. С. 372.

в свою очередь называют все событие полностью – обед второго дня. Номинативы *почестное угощение, почетный пир, почестка* в традиционной лингвокультуре мыслятся как однокоренные члены одного ряда: *честь – почесть – почтить/почитать*. Семантика почитания многократно актуализируется в вербальном коде, который номинирует обрядовые акты, наделяя свадебный дискурс модальностью величания.

В кубанском дискурсе подобные устойчивые сочетания отсутствуют, употребляется лишь *чесна/нечесна невеста*, хотя весь сценарий свадьбы, реализуемый в последовательной цепи ритуальных актов, обыгрывающих предметы символического кода, представляет собой развернутый текст о чести невесты и ее родителей. Исконные традиции (украинская и южнорусская) содержат широкий ряд лексем, номинирующих противоположные смысловые полюса концепта. В южнорусской обрядовой терминологии находим широкий лексический ряд, определяющий антинорму: *позорная девка, поклённая девка, девка с поклёпом, невеста с покором, порченная невеста, потерянная, распутная невеста, распутица, распутяха*⁷. В украинской народной традиции вербальный код широко представлен двумя антонимичными рядами: *гарна дүйюка* (34), *добросов'існа* ~ (34), *чесна* ~ (61, 64, 93, 97), *незаїмана, неопорочена* (31, 35), *непорочна, непорочниця, хороша, невина, нетронута, целка – гуляшча* ~ (66), *нехороша дүйюка* (63), *прогуляна дүйюка* (82), *неблагополушина* (13, 17, 59), *недүйюка* (67), *нечесна* ~ (45, 47, 64, 80, 102), *плоха* ~ (63), *погана, нехороша, нечесна молода, спорчена, стрюпана, трюпуха, недүйючина* (3, 25, 48, 75, 91)⁸. Кубанская традиция на лексическом уровне близка украинской, однако имеет меньшее количество лексем для обозначения нормы/антинормы. Антинорма подчеркнута осуждается. В диалектном дискурсе разных регионов зафиксированы реплики с модальностью сентенции: *Энта дюзь пазорна, када гулёну замуш бирут* (Тросн. (Гранкино))⁹ [123]; *Порчинья невесть – большой пазор для родитилив.* (Орл. (Никуличи))¹⁰ [132]; *Если невеста идэ порчена, то чипляють флах билый. А тэпэр хочь вона порчена, хочь нэ порчена – всэ равно чипляють красный флах* (хутор Греки)¹¹.

Акты первого дня – поезд в дом жениха, венчание, гуляние гостей, – все нацелено в будущее, пролагающее «дорогу» второму дню. Символами, подчеркивающими особую – аксиологическую – важность второго дня в кубанской свадьбе, являются зримо представленные в праздничном убранстве на столе – *коровой* и *быкы* (*бугай*), предназначенные для ритуального использования на

⁷ Костромичёва М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины / под ред. Р.Н. Попова. Орел, 1998. С. 132.

⁸ Магрицька І.М. Словник весільної лексики українських східнословобожанських говірок (Луганська область). Луганськ : Знання, 2003. URL : <http://ruthenia.info/txt/magrytskai/slovnuk.html> (дата обращения: 15.02.2012).

⁹ Костромичёва М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины. С. 123.

¹⁰ Там же. С. 132.

¹¹ Трегубова Е.Н. Материалы этнолингвистического словаря : свадебный обряд Кубани. Учебная версия. Славянск-на-Кубани : СГПИ, 2007. С. 101.

второй день свадьбы. Также невербально явлен знак девичьего целомудрия – *гильце*, знак девственного цветения, молодости и чистоты. В диалектном дискурсе (рассказе) о свадебном обряде семантические сферы концептов *чести* и *почета* функционируют в непосредственной взаимосвязи. Лексемы *девушка*, *дивчина* в дискурсе употребляются в значении «сохранившая девичье достоинство»: *В мэнэ стоить гильцэ ш. Гильцэ стоить на столи, то шо уквичено. Цэ ж ты шо, я була ще девушка, цэ ж в почёти. А у кого нэ було оцэ гильця, вылазять и становлять хвах. Становлять хвах белый, красный: еси чесна девушка, красный хвах, еси нэчесна, то белый хвах вишають. И ото вси кажуть: «О... нэчесна, белый хвах»* (ст-ца Старонижестеблиевская, Булах Е.К., 1900 г. р.)¹². Отметим также, что в кубанском обряде в ряде станиц *гильце* невеста возит с собой и на второй день свадьбы, когда купают *батько* и *матерь*, и забирает его с собой в новый дом.

Примечательно, что в южнорусской традиции второй день называется *почетный день*¹³. И действительно, второй день включает акты, направленные на *почитание*, *чествование* достойной невесты.

Актуализация семантики соблюдения/несоблюдения девичьей чести находила выражение не только в вербальном, но и в символическом коде. Традиционно в южнорусском обряде символическим репрезентантом являлось отверстие. Так, по данным диалектологических источников, *ничесным нивестам ложки дырявили* (Хот. (Хотынец))¹⁴. *Пра ничесную нивесту гъварили «Вон идёт дыркъ в блину».* *А на дивевни насили блин с дыркъй унутри.* (Мцен. (Мценск))¹⁵. Аналогичные символы и акты встречаем в украинском обряде: *дүйрұава ложка (90) «дїрява ложка, з якої їть молода на знак своєї нецнотливості».* В украинском обряде использовалась также дырявая обувь – *чоботи: чоботи дранїї (34) «дїряві чоботи, які сусїди кидають у двір молодого на знак нецнотливості молодой».* Отмечен также акт, именуемый *воду точити*, когда молодую заставляли носить воду решетом (25)¹⁶. В Верхнем Дону в этом случае используют *худую ведёрку*: свекровь просит невестку принести из Дону воды, вручая ей ведро с дыркой¹⁷.

В традиционных локальных культурах России широко используется символика кулинарного кода для демонстрации анализируемых смыслов. Так, А.К. Байбуриным приводятся многочисленные данные на основании разных источников, когда о честности новобрачной судят по тому, как жених обращается с подаваемой ему едой. Часто репрезентантом выступала в таких актах яичница. В Новгородской губернии на второй день после свадьбы едут к родителям мо-

¹² Фонды лаборатории региональной и компьютерной лексикографии Славянского-на-Кубани гос. пед. ин-та (ФЛРиКЛ).

¹³ Костромичёва М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины. С. 116.

¹⁴ Там же. С. 106.

¹⁵ Там же. С. 124.

¹⁶ Магрицька І.М. Словник весільної лексики українських східнословобожанських говірок (Луганська область).

¹⁷ Проценко Б.Н. Свадебный обряд донских казаков во времени и пространстве // Традиционная культура. Научный альманах. М., 2004. № 4. С. 28.

лодой «на яичницу». Молодой муж, если жена его оказалась нечестною, вырезал среди яичницы круглое отверстие и яичница с позором уносилась обратно; в противном случае муж отрезал кусок от края яичницы и дарил теще деньги как бы за то, что сумела сохранить дочь¹⁸. В той же губернии (Белозерский уезд) молодому утром после брачной ночи кто-нибудь из родственников невесты подавал хворост (печенье). «Если его жена оказалась девственницей, он отламывает маленький кусочек от хвороста, если же нет, то ткнет кулаком в самую середину хвороста и проламывает его насквозь»¹⁹. В Поволжье зять при первом посещении тещи «демонстрировал, сохранила ли ее дочь целомудрие до вступления в брак или нет. В первом случае он приступал к еде осторожно, брал яичницу или откусывал блин с краешку, а во втором проедал блин в середине или переворачивал яичницу... Окончив еду, новобрачный разбивал освободившуюся посуду (тарелку из-под блинов, горшок из-под масла или плошку из-под яичницы о матицу или, реже, об пол). Характерно, что в некоторых населенных пунктах в случае нечестности невесты тарелка о матицу не разбивалась»²⁰.

Семантика положительного полюса репрезентирована в действиях и номинациях другого порядка. Целомудренной невесте специально посвящался тост, именуемый *калинка*. *За калинку выпивали, если младая честня*. (Долж. (Долгое))²¹. Вывешивали *красний флаг*. Примечательно, что сама «сорочка зі знаками цноти, яку демонструють учасникам весілля»²², называется в украинском обряде *честность*. Калиной украшали «*коровай на знак цноти молодої*»²³. В донских станицах и хуторах *носят калину* – «флаг с кистями калины (эта ягода может украшать и каравай), выражают всеобщую радость обильным возлиянием, песнями, славящими мать и дочь:

Ты не бойся, матушка, не бойся,
В червоны чоботы обуйся;
Да хоть наша Марфушка молода,
Да вывела матушку со стыда»²⁴.

Не менее интересным представляется использование цветочных маркеров. Красной лентой украшали все: и коровай, и бутылки с вином, и коней *невесты честной*; желтой и синей лентой украшали коней *невесты нечестной* (*красна*

¹⁸ Мыльникова К., Цинциус В. Северо-великорусская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926, С. 163.

¹⁹ Российский этнографический музей. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 21.

²⁰ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов: моногр. СПб.: Наука, 1993. С. 86; Зорин Н.В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань: Изд-во КГУ, 1981. 200 с. С. 127; Рихтер В. Русское население Западного Причудья. Таллинн: Валгус, 1976. 292 с. С. 213.

²¹ Костромичёва М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины. С. 125.

²² Магрицька І.М. Словник весільної лексики українських східнослобожанських говірок (Луганська область).

²³ Там же.

²⁴ Проценко Б.Н. Свадебный обряд донских казаков во времени и пространстве. С. 36.

лўента, жоўтўї ленти (36), синўї ~ (36)²⁵. Ну если вона нэ **обищестына**, то на нэй надивають краснэ платье, а если вона вжэ була там (ну мэжду нами), мэни стыдно вам казать. Ну, вы сами знайтэ. То вжэ туди надивають чёрным. А краснэ надивають, тикэ як **девушка** выходэ замиши (хутор Греки, Панкова А.П, 1926 г.р.)²⁶.

Как видим, ритуальные акты носили характер чествования и бесчестия. В кубанских станицах знаки чести-бесчестия буквально «одевались» на невесту и воплощались в символическом (вещном) коде в вариантах *головного убора*: цветы на голове (в знак соблюдения девичьей чести), платок (в знак нарушения запрета). Интересно обратить внимание на то, что знаки чести/бесчестия помещаются на голову. Голова как репрезентант семантики ума, разумности (верх), – ср.: фата невесты, смена прически, венец во время венчания в церкви. Также у А.К. Байбурина приводятся данные, что в Древней Руси по Уставу Ярослава в качестве наказания за супружескую неверность с женщины снимали головной убор и остригали ей волосы, то есть как бы возвращали ее в «исходное» состояние, и муж был вправе отказаться от нее²⁷. Известие, адресованное всему социуму, размещалось также на самой верхней точке дома – на крыше вывешивался красный/белый флаг. Красный элемент как символ целомудрия маркирует также всех участников свадьбы: красный лоскут на рукаве жениха, красные цветы в петлицах гостей, *красна лента* на коровае (в украинском и кубанском обряде), кисть калины. Собственно кубанским элементом следует считать ритуал деления коровай, когда *красну ленту* снимали с коровай и вдевали в петлицу жениха как знак *чести* его суженой и только после этого резали *коровай*.

В раннем варианте кубанского обряда коровай резали на второй день и *быков* разливали на второй день, а в первый день и ночь тщательно охраняли: *бугай сторожуют, специально выбирают сторожэй, и фсю ночь они сторожуют* (ст-ца Павловская, Глянь Д.П., 1925 г. р.)²⁸. Учитывая материнскую украинскую традицию, кубанский вариативный символ *бугай – быки – горькэ – сладко* следует возводить к инвариантному (исконному) знаку: *сладкое красное вино, украшенное веточкой калины или перевязанное красной лентой*. Очевидно, пара быков (бутыли с красным вином, перевязанные красной лентой) также символизировала честь/бесчестие, так как в одной бутылки было сладкое вино, а в другой горькое: *Для шахорев дэлали горькэ. Натрут до краю пэрца красного. Горько выно. Одынаковы бутылкы, одынаково выно, ну на цвэт. Одно только сладко, а другое нельзя у рот взять. И становять их на стол* (ст-ца Старотитаровская, Пилипенко А.Ф., 1920 г. р.)²⁹. Появление парного символа *горькэ/сладко* обусловлено текстопоорождающей семантикой концепта честная/нечестная невеста,

²⁵ Магрицька І.М. Словник весільної лексики українських східнословобожанських говірок (Луганська область).

²⁶ Фонды лаборатории региональной и компьютерной лексикографии...

²⁷ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. С. 76.

²⁸ Трегубова Е.Н. Материалы этнолингвистического словаря. С. 154.

²⁹ Трегубова Е.Н. Материалы этнолингвистического словаря. С. 154.

репрезентированной в знаках традиционного кулинарного кода. Распространенные в позднем кубанском обряде игры с этим символом (дружка и дружок должны были опередить друг друга, хватая бутылку, а потом угощать свою сторону из той бутылки, которая ему досталась) свидетельствуют об усилении игровой части обряда, что послужило причиной перенесения этого ритуала в ряде станиц на первый день³⁰. В некоторых случаях *быки* были наделены семантикой *потомства, продолжения рода* в ходе новых семантических сближений в контексте с *корова-ем*. Результатом таких переосмыслений явилась традиция одну бутылку *быков* хранить и распивать *на годок* (когда родится ребенок).

Примечателен обряд требования, ожидания *мэда* (кубан.), когда в доме молодой гости после полуночи *просят мэда* у ее матери. По данным словаря И.М. Магрицкой, в украинских поселениях также медом мазали каравай в знак честности молодой и угощали им участников свадьбы и саму молодую. На второй день молодым несут *сладкэ* (кубан.), подносят *солодуху* «солodka горілка» (34) (укр.)³¹. Семантика сладкого, как нам представляется, продуцируется также полем концепта *честность/нечестность – почесть/бесчестие*. В кубанском обряде *мэда* просят в ожидании главного известия – о честности молодой. «*Сладкэ, мэду!*» – это лексический, символический и акциональный маркер положительного полюса аксиологического концепта, которому противопоставлен полюс «горькэ». Первое кричат в отсутствие молодых, когда главное известие уже получено, второе кричат в их присутствии в первый день, когда известия еще нет и этот миг далек, и потому ожидание вестей является центральным скрытым мотивом свадьбы. Очевидно, реализация семантики нечестности невесты в кулинарном коде обряда получила такое широкое распространение и во второй день, когда зять при посещении тещи демонстративно подчеркивал верность/неверность суженой при употреблении ритуальной еды – яичницы и блинов (южнорус.), а тестю подносил худой стакан. Устойчивое сочетание *худой стакан* называет обычай подносить стакан со специально проделанной дырой, который давали матери нецеломудренной невесты утром второго свадебного дня. *Гъварили матери: «Палучай худой стакан»*. (Глаз. (Глазуновка))³². Не в этих ли актах объективирована семантика «горько» («Горько!», которое многократно кричат гости): зятю – это горькая еда, отцу – горькое питье. Семантика нечестности, таким образом, распространялась на родителей, обрядовыми актами подчеркивалась родительская вина – неправильное воспитание дочери.

Концептуальные поля *честность/нечестность* и *почесть/бесчестие* существуют, очевидно, в модели семантического наложения. Причем первый концепт продуцирует акты *почитания* родителей *честной невесты*, правильно воспитавших дочь, которые также закономерно отнесены ко второму дню.

³⁰ Финько О.С. Лексика свадебного обряда Кубани: становление и динамика (на материале обрядовой практики станицы Черноерковской) : дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2011. 160 с.

³¹ Магрицька І.М. Словник весільної лексики українських східнолобозжанських говірок (Луганська область).

³² Костромичёва М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины. С. 181.

Родителям невесты жених везет подарки – *гребень* и *бочонок* (кубан.). Матери воздают почести чесанием головы – дарят гребень. Обряд называется *чесать мать*, позднее заменен актом дарения матери молодой невесты печеного изделия в виде гребня. В украинском обряде, исконном для кубанского, отмечен родственный обычай, когда родители жениха приезжали в дом невесты с испеченными фигурками пряжи и бочки, которые дарили родителям молодой, сопровождая словами: «Мы взяли у вас работницу пряжу, вот вам взамен от нас работница пряжа»³³. В дальнейшем в кубанской культуре образ пряжи, очевидно, стал представляться одним предметом – гребнем, как известно необходимым инструментом для чесания льна, шерсти. Возможно, этот обряд, как более поздний, образуя новые контекстуальные семантические связи, интерпретирует этот элемент в смысловом пространстве второго дня, наделяя его семантикой почитания матери, правильно воспитавшей дочь. Интересно, что и здесь гребень соотносится с семантикой головы, а упоминаемый акт, кроме того, проникнут, на наш взгляд, семантикой почитания *честной* матери. Возможно, что сам акт и его номинация появились в результате фонетического сближения *чесать* – *оказывать честь* (о таких лексических сближениях в народной традиции неоднократно упоминается в работах Н.И. Толстого). Отца почитают печеным бочонком. Акты почитания родителей невесты на второй день свадьбы были распространены повсеместно. Ср. орл.: *Почетный день. На почетный день м'яладыи далжны к радитилям нивесты итить, пачёт им аддать* (Дмитр. (Мало-Боброво))³⁴.

Таким образом, лингвокультурологический анализ концепта позволил обнаружить текстопорождающие (обрядопорождающие) его свойства. Ядерная сфера концепта иррадирует актуальные смыслы на вербальные, знаковые и акциональные коды, способствуя образованию знаков и организации связей между ними, установлению мотивационных отношений. Установившиеся в исконных культурах текстовые связи между знаками обрядовых кодов в условиях формирования поздних (вторичных) культур сохраняются, несмотря на то, что вербальный ряд претерпевает существенное сокращение. Семантическое пространство концепта реконструируется на основе анализа элементов других уровней обряда – акционального и символического. Элементы этих кодов в позднем обряде смещаются в игровое (шуточное) поле свадьбы, порожденное новым мировоззрением, новой ценностно-смысловой картиной, постепенно утрачивая аксиологические коннотации. В результате наблюдается разрыв старых текстовых связей, помещение символа в новый ряд элементов, присваивание новых функций для актуализации смыслов нового времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

³³ Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник Музея антропологии и этнографии. М., 1929. Т. 8. С. 192.

³⁴ Костромичёва М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины. С. 105.

1. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов [Текст] : моногр. – СПб. : Наука, 1993. – 240 с.
2. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
3. Воробьев, В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности [Текст]. – М. : Рос. ун-т дружбы народов, 1996. – 170 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 3. – 555 с.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 4. – 683 с.
6. Кагаров, Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности [Текст] // Сборник Музея антропологии и этнографии. – М., 1929. – Т. 8.
7. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания [Электронный ресурс] / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методология современной психолингвистики : сб. статей. – М. ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – Режим доступа : <http://psycholing.narod.ru/monograf/karasik-psy-hrest.htm>
8. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст]. – Волгоград : Перемена, 2002. – 205 с.
9. Костромичёва, М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины [Текст] / под ред. Р.Н. Попова. – Орел, 1998. – 218 с.
10. Магрицька, І.М. Словник весільної лексики українських східнословобожанських говірок (Луганська область) [Електронний ресурс]. – Луганськ : Знання, 2003. – 172 с. – Режим доступа : <http://ruthenia.info/txt/magrytskai/slovyk.html>
11. Попова, З.Д. К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2004.
12. Проценко, Б.Н. Свадебный обряд донских казаков во времени и пространстве [Текст] // Традиционная культура. Научный альманах. – М., 2004. – № 4.
13. Трегубова, Е.Н. Обрядовая лексика украиноязычных говоров западной части Кубани в этнолингвистическом аспекте [Текст] // Філологічні студії : науковий вісник Криворізького державного педагогічного університету. Збірник наукових праць. – Кривий Ріг : КДПУ, 2011. Вып. 6.
14. Трегубова, Е.Н. Материалы этнолингвистического словаря: свадебный обряд Кубани. Учебная версия [Текст]. – Славянск-на-Кубани : СГПИ, 2007. – 214 с.
15. Финько, О.С. Лексика свадебного обряда Кубани: становление и динамика (на материале обрядовой практики станицы Черноерковской) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2011. – 205 с.

E.N. Tregubova

HONOUR AND HONOURS: LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF WEDDING RITE AXIOLOGICAL CONCEPTS

The paper analyzes axiological concepts through the prism of linguistic-culturological approach. Semantic comparison of concepts, objectified through cultural codes of kindred local

traditions in synchrony and diachrony, reveals axiological guidelines of early folk traditions and clarifies the direction of subsequent semantic changes.

evaluative content of a concept; local tradition; cultural codes; interaction between language, culture, and thought